

Обзорная статья

УДК 94 (430)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56

«Русские – наши природные враги» Немецкий русофобский дискурс XIX – начала XX века

В. К. Белозёров¹, Д. В. Миронов², А. В. Мырикова³, А. А. Ширинянц⁴

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, vk_belozerov@mail.ru

^{2,3,4}Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

²denisdenmir@yandex.ru

³an_my@mail.ru

⁴jants@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа работ немецких теоретиков XIX – начала XX века дается обзор русофобского общественно-политического дискурса. Формируется целостное представление о специфике подходов Э. М. Арндта, Я. Ф. Фальмерайера, Р. Э. Мартина, П. Рорбаха. Их наработки в дальнейшем оказались востребованы немецкими теоретиками и политиками для идеологического обеспечения антироссийского курса. Понимание и аргументации немецкой русофобии важно для противодействия ей и ее нейтрализации.

Ключевые слова: Германия, Россия, русофобия, теоретический дискурс, аргументация, пропаганда

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания № FSFU-2020-0020.

Для цитирования: Белозёров В. К. и др. «Русские – наши природные враги». Немецкий русофобский дискурс XIX – начала XX века / В. К. Белозёров, Д. В. Миронов, А. В. Мырикова, А. А. Ширинянц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2(851). С. 56–63. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56

Original article

“Russians are Our Natural Enemies” German Russophobic Discourse of XIX – Early XX Centuries

V. K. Belozerov¹, A. V. Myrikova², D. V. Mironov³, A. A. Shirinyants⁴

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vk_belozerov@mail.ru

^{2,3,4}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian

²an_my@mail.ru

³denisdenmir@yandex.ru

⁴jants@yandex.ru

Abstract. The article provides an overview of the Russophobic socio-political discourse based on the study of the works of German theorists of the XIX – early XX centuries. It is possible to get an idea of the approach specifics of E. M. Arndt, J. F. Falmerayer, R. E. Martin, P. Rohrbach. Their elaborations later proved to be in demand by German theoreticians and politicians for the ideological support of anti-Russian course. Understanding the approaches and arguments of German Anti-Russian sentiment is important for countering and neutralizing it.

Key words: Germany, Russia, Russophobia, theoretical discourse, argumentation, propaganda

Acknowledgments: The study was performed within the framework of state task No. FSFU-2020-0020.

For citation: Belozerov, V. K. Mironov, D. V., Myrikova, A. V., Shirinyants, A. A. (2023). Russians are our natural enemies – German russophobic discourse of XIX – early XX centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 56–63. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56

ВВЕДЕНИЕ

В ситуации обострения международных отношений русофобия ложится в основу внешнеполитических стратегий ряда стран. Отсюда важно понимать истоки и смысл русофобии.

Корректное определение русофобии как политико-идеологического феномена содержится в Меморандуме экспертного центра Всемирного русского народного собора «О русофобии» (2015): «Русофобия – неприязнь, ненависть к России и русским, к проявлениям их этнокультурной, религиозной и национально-государственной идентичности». В этом документе выделен и набор догм доктрины, представляющей Россию полюсом зла, угрожающим человечеству: «Россия – агрессивное государство. Ее огромные размеры являются результатом ее имманентной агрессивности; Россия – ксенофобское общество, “тюрьма народов”. Русские враждебно относятся к своим соседям и жестоко эксплуатируют национальные меньшинства; Россия – пространство рабства и несвободы. Права и возможности человеческой личности в России фатально ограничены; Русские не имеют собственного мнения, их убеждения – целиком продукт официальной пропаганды (вплоть до того, что русские воспринимаются не как индивидуумы, а как элементы бездушной государственной машины); Россия – нищая, отсталая страна. Причинами этого являются русская лень, пьянство и экономическая неэффективность чрезмерно влиятельного государства»¹.

В XIX – начале XX века в конструировании русофобских стереотипов, штампов и клише проявили себя и некоторые немецкие авторы. Германская русофобия имела сложную генеалогию. Со времен Петра I Россия была связана с германскими государствами множеством связей. Как идеология русофобия появляется в Германии в конце XIX века после создания Второго рейха и достигает своих пределов в расистской идеологии Третьего рейха.

Свои истоки она черпает в XVIII – первой половине XIX века, исходя из особого взгляда на культуру, народ и немецкое национальное государство. Такое видение возникло в идеях романтизма и идеализма в ответ на абстрактный универсализм французского Просвещения. Воплощением романтического национализма стало учение о народном духе, порождающем своеобразие немецкой нации. Причем «новые представления вызревали постепенно под влиянием величайшего немецкого философа Иммануила Канта, гениев эпохи

романтизма Лессинга, Гердера и в особенности Гёте, Шиллера и Гёльдерлина, а также философов-идеалистов – от Фихте до Гегеля. Именно они стали основоположниками *Deutschtum* – идеи о национальной самобытности немцев, которая, опираясь на славянофобию, выступит своеобразным катализатором германской политики экспансионизма» [Меттан, 2016, с. 126].

Обращение к немецкой русофобии ввиду обширности описываемого объекта требует некоторых комментариев. Нельзя не признать, что в немецкой консервативной мысли существовали и выраженные русофильские тенденции. Достаточно назвать Франца фон Баадера, считавшего русскую Церковь неиспорченной цивилизацией, и Августа фон Гаксгаузена, превозносившего преимущества русской общины. Пророссийские тенденции проявлялись в описываемый период и в политических кругах немецких государств. Необходимо отметить, что вне рамок данной статьи остается и нескрываемое отвращение классиков марксизма к славянам вообще и к русским в частности. Причем речь идет не только о Марксе и Энгельсе [Медяков, 2012].

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РУСОФОБИЯ АРНДТА

Одним из тех, кто с восторгом воспринял идею духа как одушевляющий вселенную принцип, был *Эрнст Мориц Арндт* (1769–1860). Будучи внуком крепостного, он стал университетским профессором, поэтом и историком, ярким публицист, сочетавшим германский патриотизм, национализм и антисемитизм, нелюбовь к славянам (полякам и русским) и к французам. Последних он поначалу превозносил за стремление к свободе, называя Французскую революцию «борьбой света против тьмы», в эпоху же наполеоновских войн стал испытывать страх перед ними. Главным объектом франкофобии Арндта был «кровавый тиран» Наполеон. В 1806 году, по крылатому выражению Г. Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало», а Арндт, выпустивший незадолго до этого первую книгу сборника «Дух времени» (1806, последующие три книги вышли в 1809–1818), вынужден был бежать в Швецию и развернуть там антинаполеоновскую агитацию.

В его книге развивалась идея об этнической однородности и единстве происхождения народа как главном условии его политической свободы, что сделало Арндта одним из видных популяризаторов идеи немецкого национального единства.

Арндтом дается отрицательная характеристика русскому народу, которую он расширил в специальной работе «Краткое слово о России, ее

¹Меморандум экспертного центра Всемирного русского народного собора о русофобии.
URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1259>

позиции и ее поведении по отношению к остальной Европе до и после Петра Великого», опубликованной в 1808–1809 годах в выпускавшемся в Швеции журнале «Der nordische Kontrolleur». Это большое произведение некоторые исследователи считают «вершиной осмысления места Российской империи в современной (ему. – *ред.*) Европе» [Заиченко, 2018, с. 10]. Между тем выпады националиста-романтика Арндта вполне тривиальны и не выходят за рамки обычной русофобской логики и лексики. Русские – варвары, рабы, и... обезьяны – утверждает он. «Русские, в отличие от своих европейских современников всё еще находятся в варварском состоянии. Таковы их обычаи, таково их общественное состояние, таково их правительство, таковы их государственные перевороты и революции» [Europa und Russland... 1959, с. 30–31]. Истоки русской культуры – в глубочайшей трясине рабства: «воздух рабства все еще веет над огромной империей, и подневольная лень и беспечность не дают расцвести более благородным вещам ни снизу, ни сверху. ...Бездуховное никогда не рождает дух, тем более у вырождающихся и униженных, каковыми, очевидно, являются русские» [там же, с. 36]. И своего рода апофеоз: «Русские... являются самыми талантливыми обезьянами в заучивании чужого... Я не говорю, что русские не могут стать никем иным из-за порочности своей природы; я только говорю, что они не будут никем иным, пока сохраняется порочность их общественного устройства» [там же, с. 37–38].

По иронии судьбы Арндт, сравнивавший русских с приматами, в 1812 году оказался в Санкт-Петербурге в роли личного секретаря находящегося на российской службе опального прусского министра-реформатора барона фон Штейна. Здесь он обзавелся кругом светских знакомств, и разрешил открыть осенью 1812 года переводом своей статьи из книги «Дух времени» первый номер нового русского патриотического журнала «Сын отечества». Ирония истории в том, что именно русская армия, освободила родину Арндта.

Мечты Штейна и Арндта о создании единого немецкого государства во главе с Пруссией не сбылись. Германский союз (1815–1866), возникший после Венского конгресса, включал 39 немецких государств под председательством Австрии. Ее соперничество с Пруссией и привело союз к самороспуску в 1866 году без всякого участия России. Более того, «Священный союз» России, Пруссии и Австрии, созданный с целью поддержания установленного на Венском конгрессе международного порядка, такого не мог допустить. Либеральное же национальное движение в Германии озабочилось освобождением от этого гнета...

поляков, проявив солидарность с ними после подавления польского восстания 1830–1831 годов в российском Царстве Польском. Но после того, как в 1848 году стало очевидно, что требование о восстановлении суверенитета Польши несовместимо с территориальными интересами Германии, восторженное отношение немецких либералов к Польше заметно остыло. Национальное собрание, заседания которого проходили во Франкфурте (и в которых принимал участие Арндт), приняло в июле 1848 года решение в пользу «здорового национального эгоизма» против «сентиментального космополитического идеализма», т. е. против Польши.

АНТИСЛАВЯНСКАЯ РУСОФОБИЯ ФАЛЬМЕРАЙЕРА

После революции и венгерского восстания в 1848–1849 годах, немецкая русофобия получила новый импульс. Эстафету «экспертизы» России с враждебных и предвзятых позиций принял путешественник, публицист, политик и историк-византист *Якоб Филипп Фальмерайер* (1790–1861). В отличие от тех, кто судил о России по впечатлениям своих или чужих путешествий, он выстроил свою антироссийскую риторику на основе фундаментальных подходов.

Фальмерайер получил известность как один из основателей византистики, создав серьезный труд «История Трапезундской империи» (1827). В 1848 году он был избран делегатом от Баварии в Франкфуртское национальное собрание, где занял крайне левую антиклерикальную и демократическую позицию.

Что касается грекофобии, славянофобии и русофобии Фальмерайера, то они основывались на тезисе об ассимиляции греков славянами, что позволило ему выстроить теорию об угрозе славянского вторжения и замещении населения романо-германских народов Европы славянами. Отстаивая вечный дуализм Востока и Запада, Фальмерайер выступал против независимости Греции, требовал всеми силами поддерживать Османскую империю, которую считал оплотом противостояния славянам и России. Он активно пропагандировал свою позицию в публицистических статьях. Так, уже в 1839 году в статье «Вид на земля Нижнего Дуная», он прямо заявлял, что «ближайшее будущее в Европе и Азии будет принадлежать славянам» [там же, с. 310]. Спустя год он характеризовал Россию как «универсальное, военно-дисциплинированное, колоссальное церковное государство, институт покаяния и слез для нравственного восстановления развращенного мира, постепенно вязнущего в трясине материальных интересов»

[Europa und Russland... 1959, с. 312]. «Душа и жизнь русскости», по Фальмерайеру, – выгнать турок и затянуть в петлю немецкие племена вместе с греками, которые уже «определены русскими в списки для приведения в дальнейшем к покорности». Поэтому именно русские – «наши природные враги, наши аспиды и недруги» [там же, с. 313–314]. «Претензии России на будущее колоссальны, – приходит он к выводу, – и ее сила признается страхом перед ней Европы» [там же, с. 333].

Во время Крымской войны Австрия, Пруссия, а затем с 1854 года и весь Германский союз, включая Баварию, где в то время жил и работал Фальмерайер, формально и фактически находились в положении нейтральных стран. Поэтому его антирусские выпады прозвучали резко и вызывающе. Особенно выделяется статья Фальмерайера 1855 года «Германия и Восточный вопрос», в которой он объяснял особенности европейских государств и Российской империи цивилизационными различиями: «Россия – это безграничная казарма, где по-военному, железной рукой и буйно правит абсолютная воля, где вся жизнедеятельность механически обученных миллионов направлена к единственной цели, лежащей далеко за границами страны. Выполнять работу без отдыха, терпеть лишения, мучения и наказания по произволу, сражаться и умирать за священного царя – вот великая политическая догма московитов. ... Русский двигается, отдыхает, идет вперед или бежит, стоит, живет и умирает везде только по приказу своего начальника, в то время как в Западной Европе человек хочет иметь свою волю и право, уважение к личной свободе, к собственности и человеческому достоинству, уважение к вероисповеданию, культивирование изящных искусств, поэзии, житейской мудрости, точных наук и народного образования, даже споры о звании профессоров, о жаловании и почестях заслуженных академиков и, наконец, колебания рыночных цен на зерно создают препятствия и обязательства для правительств, определяют полномочия и налагают ограничения, о которых в России мало знают и которых не понимают» [там же, с. 336–337]. Вселенский масштаб приобретает в его интерпретации и российская угроза. «Московский абсолютизм» призван «готовить московитский удел для всех народов Земли, должен повсюду разжигать распри и раздоры, чтобы, постоянно всасывая свежий материал, восстанавливать силы, израсходованные его расточительными управленцами. Россия не может и не будет успокаиваться, пока либо сама не будет сломлена, либо не станет властителем обитаемой земли» [там же, с. 337]. Как туркофил Фальмерайер расценивает роль в европейской политике Османской империи как спасительную, поскольку от московитского господства Европу спасают только

турки: «Если бы турки в гибельный момент русского вторжения были так же бесполезны, никчемны и трусливы, как христиане Византии в аналогичных условиях, какая судьба постигла бы миролюбивую, искусную и процветающую Европу?» [там же, с. 339].

РАСИСТСКАЯ РУСОФОБИЯ МАРТИНА

В последней четверти XIX века Германия по численности населения вдвое превосходила соседние государства, ее промышленный рост был сродни экономическому чуду. Ей становилось тесно в занимаемых пределах: «Не успев вовремя присоединиться к завоеванию заморских колоний, Германия в поисках новых территорий обращает свой взор на наиболее доступный и многообещающий регион – необъятную Россию» [Меттан, 2016, с. 126]. Немецкие националисты восторгались силой и крепостью, богатством и деловитостью нового государства, гением создавшего его Бисмарка. В начале XX века *Рудольф Эмиль Мартин* (1867–1916), советник германского имперского статистического ведомства, руководствуясь мыслями Бисмарка «не давать России денег, на которые она вела бы враждебную Германии политику» [Мартин, 1907, с. 4], публикует в Берлине в 1905 году свою первую книгу «Будущность России и Японии: немецкие миллиарды в опасности». Книга вышла во время мирных переговоров в Портсмуте, завершивших неудачную для России войну с Японией. Основной идеей, целью и главным содержанием книги было желание спасти немецкие деньги, размещенные в русских государственных займах. Это было необходимо сделать ввиду грядущей революции в Российской империи и следовательно, ее государственного банкротства, которые предсказывал Мартин. Он доказывал, что Россия – бедная страна, с отсталым сельским хозяйством и слабо развитой промышленностью, она не может играть мировой роли, не может быть «сильной державой», как бы ни стремились к этому «правлящие классы государства» [там же, с. 10].

Развернутую аргументацию Мартин представил в вышедшей год спустя книге «Будущность России». Причины грядущей катастрофы Российской империи, полагает Мартин, не только в поражении в войне, они лежат много глубже. Среди них «отсталость русского сельского хозяйства; недостаток в образовании и капитале у крестьян; влияние враждебной образованию греко-католической (православной. – ред.) Церкви; особенности славянской расы; величина русского государственного долга и резкая противоположность между различными народностями и классами в русской империи» [там же, с. 5–6]. Он рисует удручающие

картины жизни русской деревни, которая «благодаря страшному невежеству, недостаткам жилищ, плохому питанию и большой нечистоте... является постоянным очагом заразных болезней» [Мартин, 1906, с. 19]. Малоземелье, мрачное влияние русской православной Церкви на необразованных, безграмотных, суеверных крестьян, революционная социал-демократическая пропаганда, толкающая крестьян на «беспорядки», – все это симптомы грядущей русской крестьянской революции, которая «будет самая страшная из всех крестьянских войн и жакерий» [там же, с. 21].

Главная же причина надвигающейся катастрофы заключается не во внутренних противоречиях, терзающих Российскую империю, а в ее отношении к остальному, цивилизованному миру. Предвосхищая М. Олбрайт с ее оценкой несправедливости принадлежности Сибири России¹, Мартин утверждает, что Россия обладает безграничными природными ресурсами, которые сама не в состоянии освоить: «эксплуатация естественных свойств русской почвы на много поколений затруднена свойствами русского племени или русской религии» [там же, с. 143]. Он излагает аргументы об ущербе русских, расистские по своей сути: «Русские – славяне, и к ним принадлежат, как и мы, германцы, к индогерманской семье народов. Но при колонизации России они сильно смешались с финнами и татарами. Не все расы одинаково ценны. Русская раса до сих пор не смогла достигнуть таких же успехов в мировой истории, как германская или англосаксонская раса» [там же, с. 37]. Окружающие Россию народы – выше русских по своему развитию. Слабость России по сравнению с другими народами Европы обнаруживается в расе и религии: «Русская раса так же мало, как и их религия, приспособлена к культурному прогрессу, к автомобилю, к военному судну» [там же, с. 103].

По его мнению, русские убеждены, будто созданы для завоевания всего мира, поскольку обладают крепким славянским духом, истинной христианской религией и «главным фундаментом цивилизации» в образе самодержавия: «если когда-нибудь другие народы, установившие у себя конституционный образ правления, впадут в анархию и будут стоять на краю полной гибели, тогда на сцену выступит Россия и даст народам земли порядок и власть» [там же, с. 50]. В итоге у русских «свойство почвы, географическое положение и абсолютизм, сумевший при

помощи православной Церкви воспользоваться и религиозным фанатизмом, привели к мечте о мировом господстве» [там же, с. 46–47]. Но у России нет будущего: «вдали уже показались первые ростки нового мирового господства, которое, быть может, распространится до восточных границ Европы. Это культура восходящего солнца на Японских островах» [там же, с. 65].

Однако действительность свидетельствовала об ином. К 1913 году Россия вошла в пятерку самых развитых стран мира. Империя демонстрировала высокие темпы промышленного развития и роста национального продукта. В стране была самая протяженная сеть железных дорог в Европе и самый большой в мире золотой запас. Но все же мировым лидером, меняющим глобальное соотношение сил, была не Россия, а Германия, обошедшая Великобританию по доле промышленного производства и другим показателям. В мае 1914 года статс-секретарь министерства иностранных дел Германии фон Ягов поделился с кайзером и военной верхушкой соображениями о релевантности превентивной войны против России: «Перспективы будущего угнетают. Через два или три года Россия завершит процесс своего вооружения. Мощь наших противников будет чрезвычайно велика»².

ГЕОПОЛИТИКА И ПРОПАГАНДА В РУСОФОБИИ РОРБАХА

Одним из немецких мыслителей, во взглядах которого переплелись национализм, культурный шовинизм и элементы протестантизма, был уроженец Курляндии публицист, политик, историк и путешественник, доктор философии *Пауль Рорбах* (1869–1956). Будучи представителем немецкой национал-консервативной мысли, он работал секретарем в Евангелическо-социальном конгрессе, деятельность которого была направлена на решение социальных вопросов мирным путем и на противодействие социал-демократии. Он много путешествовал по миру, служил в колониальной администрации в Германской Юго-Западной Африке, преподавал колониальную экономику в Высшей школе торговли в Берлине, публиковал статьи по широкому кругу вопросов теологии, экономики, геополитики.

Накануне Первой мировой войны Рорбах оказался одним из главных экспертов по «русскому вопросу», продвигая идею о том, что все свои военные и дипломатические усилия Германия обязана направить на расчленение России и отторжение от нее Прибалтики, Финляндии, Польши, Беларуси

¹Еще российский геополитик А. Е. Вандам (1867–1933) в работе «Наше положение», вышедшей в 1913 году, обращал внимание на англосаксонский принцип, когда «естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства» [Вандам, 2002, с. 91].

²Цит. по: Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2002.
URL: <https://coollib.net/b/232388/read#r87>

и Украины. Прибалтика должна была быть присоединена к Германии, а остальные страны должны стать буфером между Россией и Германией, образовав «промежуточную Европу».

В Первую мировую войну Рорбах служил в восточном бюро Имперского военно-морского ведомства, затем – начальником отдела вражеской и нейтральной прессы в Центральном управлении Службы заграницы в структуре министерства иностранных дел. Отдел готовил еженедельные обзоры для политических и дипломатических ведомств. В этот период Рорбах стал ведущим пропагандистом доктрины «Срединной Европы», создания экономического и политического блока под эгидой Германии, активно проповедовал антирусские идеи, выступал за немецкую колонизацию прибалтийских земель, за отделение огромной многомиллионной массы «великороссов, украинцев и белорусов друг от друга», расчленение России, отделение от нее Финляндии, Кавказа, Армении, Украины и т. д., полагая, что если этого не сделать, то «Россия вскоре восстановит свою былую мощь» [Rohrbach, 1916, с. 54]. Одной из главных его идей было противопоставление великороссов-москвитов «чужим народам», которые Россия покорила и притесняет. «Сепарированные» же от России Финляндию, Польшу, Беларусь и Украину он предполагал впоследствии включить в «Срединную Европу». В рамках реализации своих идей на практике Рорбах в 1914 году становится одним из основателей Германо-армянского общества, а в марте 1918 года – Германо-украинского общества.

В брошюре Рорбаха «Россия и мы», опубликованной в разгар войны в Штутгарте, эти идеи соединяются с оценкой всего «варварского» русского. «Варварство» проявляется, в частности, в ненависти к немцам, которая принимает в России форму «азиатского многообразия», когда печать сообщает «о страшном враге, с которым воюет Россия, методами которого являются разбой, убийства и изнасилования», о прибитых к стенам детях и т. д. [там же, с. 75]. Рорбах, со своей стороны, повествует о «русских злодеяниях» в Восточной Пруссии и жестокости по отношению к гражданским лицам и немецким военнопленным. Злодеяния, как он считает, обнаружили «внутреннюю природу русского противника», суть которой составляет «дикое варварство и хладнокровная жестокость азиатских элементов, как в народе, так и в обществе» [там же, с. 94]. Поэтому, считает Рорбах, никакого снисхождения русские не заслуживают, и никакого «щадящего мира» с Россией быть не может.

Рорбах, можно сказать, замыкает круг русофобов в донацистской Германии. В его арсенале

обнаруживается смесь правды и лжи. Так, реальный приказ русского командования «при нападении гнать перед собой всех жителей мужского пола, работоспособного возраста от 10 лет и старше» сопровождается «показаниями» о «гнусных изуверствах москвитов», выколотых глазах, отрезанных пальцах, прибитых к столу языках [там же, с. 91]. Его утверждения о «славяно-татарской расе москвитов» поддерживаются избитыми клише прежних эпох. Он применяет известный манипулятивный прием «подмены информации»: приводит пример «зверств полчищ москвитов» XVI века и тут же делает заключение о том, что русские в XX веке поступают так же, потому что остались «москвитами» [там же, с. 93]. Такой способ подачи информации рассчитан на эмоции читателя, не склонного выяснять, чем фактически и документально подтверждают-ся умозаключения автора.

Сразу после поражения Германии Рорбах вместе с М. Вебером и другими участниками «Рабочего объединения по политике права» начал выяснять, кто является виновником развязывания войны и кто должен понести наказание. В годы Веймарской республики он ратовал за возврат утраченных Германией в войне колоний и высказывал мысли, близкие к расистским идеям национал-социализма. В годы Третьего рейха он отошел от активной политической деятельности. Тем не менее его размышления о «недочеловеках» («Untermenschen»), «фюрерском государстве» («Führerstaat») и др. говорят о симпатии к гитлеровской идеологии, пусть и не к самому режиму [Anker, 1994, с. 592–608].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русофобия являлась значимой частью теоретического общественно-политического дискурса Германии в описываемый период. При этом «идейные достижения» немецкой русофобии не ограничиваются хронологическими рамками того, что изложено выше. Вместе с тем ясно, что такие «изыскания» создавали почву для грядущего нацизма, расизма и реваншизма в Германии.

Тем не менее можно отметить следующее. В октябре 1929 года немецкий политический мыслитель Карл Шмитт, характеризуя идейное наследие минувшего XIX века, изложил свое видение восприятия Россией теоретических изысканий Европы: «Мы, в Центральной Европе, живем sous l'oeil des Russes¹. Вот уже столетие, благодаря своей психологической проницательности, они

¹Под оком русских, на глазах у русских (фр.).

видят насквозь наши великие лозунги и наши институты; их витальность достаточно велика, чтобы овладеть как оружием нашими познаниями и нашей техникой; их мужество [принять] рационализм и то, что ему противоположно, их мощь правоверия в добре и зле не знает преград» [Шмитт,

2016, с. 357]. Думается, Шмитт таким образом выбивает одну из опор немецкой русофобии, заключающуюся в стремлении изобразить нашу страну – вне зависимости от утвердившегося здесь политического режима – как некое перманентно существующее «природное зло».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Меттан Ги. Запад – Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М. : Паулсен, 2016.
2. Медяков А. С. «Там, на Востоке стоит наш единственный враг». Август Бебель о России // Родина. 2012. № 5. С. 86–91.
3. Заиченко О. В. Образ России в немецкой публицистике в первое двадцатилетие после Французской революции. М. : Весь Мир, 2018.
4. Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von D. Tschizewskij u. D. Groh. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1959.
5. Мартин Р. Будущность России и Японии. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907.
6. Мартин Р. Будущность России. М. : тип. А. П. Поплавского, 1906.
7. Rohrbach P. Russland und wir. Stuttgart : J. Engelhorn's Nachf., 1916.
8. Anker J. Paul Rohrbach // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Band 8 (Rembrandt – Scharbel (Charbel)). Herzberg : Bautz. 1994.
9. Шмитт К. Понятие политического. СПб. : Наука, 2016.
10. Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия. М. : Кучково Поле, 2002.

REFERENCES

1. Mettan, G. (2016). Zapad – Rossija: tysjacheletnjaja vojna: istorija rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa = West – Russia: A Millennium War: A History of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian Crisis. Moscow: Paulsen. (In Russ.)
2. Medeakov, A. S. (2012). Tam, na Vostoke stioit nash edinstvennii vrag. Avgust Bebel' o Rossii = There, in the East, is our only enemy. August Bebel about Russia. Rodina, 5, 86-91. (In Russ.)
3. Zaichenko, O. V. (2002). Obraz Rossii v nemetzkoi publicistike v pervoe dvadztatiletie posle Frantzuskoj revolutzii = The image of Russia in German journalism in the first twenty years after the French Revolution. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
4. Tschizewskij, D. u. D. Groh (Hrsg.) (1959). Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft
5. Martin, R. (1907). Budushhnost' Rossii i Japonii = The future of Russia and Japan. Moscow: Tip. t-va I. D. Sytina. (In Russ.)
6. Martin, R. (1906). Budushhnost' Rossii = Future of Russia. Moscow: tip. A. P. Poplavskogo. (In Russ.)
7. Rohrbach, P. (1916). Russland und wir. Stuttgart: J. Engelhorn's Nachf.
8. Anker, J. (1994). Paul Rohrbach, Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Band 8 (Rembrandt – Scharbel (Charbel)). Herzberg: Bautz.
9. Schmitt, C. (1932). Der Begriff Des Politischen. Berlin: Dunker & Humblot.
10. Vandam (Edrichin), A. E. (2002). Geopolitika i geostrategija = Geopolitics and geostategy. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозёров Василий Клавдиевич

доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

главный редактор журнала «Вестник Московского государственного лингвистического университета.
Общественные науки»
член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации
Ассоциация военных политологов

Миронов Денис Владимирович

младший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Мырикова Анна Валериевна

кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ширинянц Александр Андреевич

доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Belozero Vasily Klavdievich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor,
Head of the Chair of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
Editor-in-Chief of the «Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences»
Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation
Association of Military Political Scientists

Mironov Denis Vladimirovich

Junior Research Fellow of the Department of History of Social and Political Doctrines
Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University

Myrikova Anna Valerievna

PhD (Political Science), Associate Professor
Associate Professor of the Department of History of Social and Political Doctrines
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Shirinyants Aleksandr Andreevich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Head of Department of History of Social and Political Doctrines of the Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	24.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication